

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гусев А.А. — Влияние конституционного переворота во Франции 10 июля 1940 г. на советско-французские отношения // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43739
EDN: UUAWVJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43739

Влияние конституционного переворота во Франции 10 июля 1940 г. на советско-французские отношения

Гусев Антон Алексеевич

кандидат исторических наук

ассистент, кафедра истории и философии, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

115054, Россия, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ gusev.aa@rea.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.5.43739

EDN:

UUAWVJ

Дата направления статьи в редакцию:

08-08-2023

Дата публикации:

22-08-2023

Аннотация: Статья посвящена исследованию изменений в советско-французских отношениях после конституционного переворота во Франции 10 июля 1940 г. Этот переворот, произошедший под воздействием поражения Французской республики в войне с нацистской Германией, привел к созданию на не оккупированной части территории Франции авторитарного марионеточного государства со столицей в Виши и резкому повороту в ее внешней политике. При этом выход Французского государства из антигитлеровского альянса и провозглашение нейтралитета во Второй мировой войне создали условия для определенного улучшения отношений страны с Советским Союзом, который на начальном этапе войны также придерживался нейтральной позиции. В статье на основе опубликованных и архивных материалов рассматривается динамика отношений между Виши и Москвой после июля 1940 г., анализируются влиявшие на нее факторы, показана эволюция внешнеполитической линии Французского государства, дается характеристика восприятия режима Виши и его международной политики

советской стороной. Характеризуя сферы и особенности советско-французского взаимодействия, автор показывает ограниченность возможностей для его развития в международном контексте 1940-1941 гг. В конечном итоге отношения между режимом Виши, чья прогерманская ориентация проявлялась все более резко, и Москвой были разорваны после нападения нацистской Германии на СССР в июне 1941 г.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, СССР, Франция, конституционный переворот, советско-французские отношения, режим Виши, коллаборационизм, Филипп Петен, Николай Иванов, Франсуа Шарль-Ру

Отношения между Советским Союзом и Францией в преддверии и на начальном этапе Второй мировой войны, составлявшие важный аспект международной политики, прошли через ряд этапов и были отмечены несколькими драматическими поворотами. После неудачных попыток создания антигитлеровского альянса СССР и Франция оказались в 1939 г. на грани конфронтации, но в апреле 1940 г. их отношения относительно стабилизировались, а с июля того же года стали предприниматься попытки их дальнейшего развития, в первую очередь, со стороны Франции. Такая динамика определялась как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими факторами. К числу последних относится произошедший в июле 1940 г. в потерпевшей военное поражение Франции конституционный переворот, который не только изменил политическое устройство страны, но и повлиял на ее внешнюю политику, в том числе на отношения с Советским Союзом.

Воздействие июльского переворота, положившего конец республиканской форме правления во Франции, на советско—французские отношения до сих пор не являлось предметом специального исследования, хотя его изучение важно для понимания эволюции этих отношений. В работах отечественных авторов, опубликованных в советский период, эта тема вообще не затрагивалась [\[9\]](#), а в недавних исследованиях, вышедших после «архивной революции», освещена лишь частично [\[15; 12\]](#). Аналогичная картина наблюдается и во французской историографии [\[22; 27; 13; 14\]](#). Тем большее значение имеет исследование данной проблемы на основе как опубликованных источников — советских [\[8\]](#) и французских [\[20\]](#) дипломатических документов, мемуаров [\[19\]](#) и дневников [\[18\]](#) участников событий, советской и французской прессы, так и неопубликованных материалов, отложившихся в фондах Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории. Настоящая статья представляет собой первую попытку анализа рецепции в Советском Союзе конституционного переворота 10 июля 1940 г. во Франции и непосредственного воздействия этого события на отношения между двумя странами.

Франция вступила во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г., выполняя союзнические обязательства перед Польшей, подвергшейся нападению нацистской Германии. Однако французское верховное командование быстро отказалось от идеи эффективно помочь союзнику, считая его дело заведомо проигранным [\[21, с. 388\]](#). Страна вступила в период «странной войны», вооруженного противостояния без активного ведения боевых действий. При этом французское руководство использовало возникшую передышку для наращивания военного потенциала страны и вынашивало планы открыть «второй фронт» подальше от французских границ. Планам этим по ряду причин не дано было

осуществиться, однако к началу открытой фазы боевых действий в Западной Европе 10 мая 1940 г. союзникам (Франции и Великобритании, а также запросившим их помощи Бельгии и Голландии, которые первыми подверглись германскому нападению) действительно удалось добиться перевеса над нацистской Германией по всем родам войск, за исключением авиации [\[7, с. 564-565\]](#). Но ряд стратегических просчетов французского командования, оборонительная доктрина, которой оно руководствовалось [\[30, с. 44-45, 58-59\]](#) и неумение задействовать имеющиеся силы в новых условиях [\[6, с. 456\]](#) привели к тому, что в первые же дни открытого вооруженного конфликта Германия нанесла Франции серьезное поражение, от которого та так и не смогла оправиться, несмотря на ожесточенное сопротивление французских войск.

В этих условиях французский премьер-министр Поль Рейно, занявший этот пост всего полутора месяцами ранее, произвел ряд перестановок в верховном командовании и левоцентристском правительстве страны, в частности, назначил на должность вице-премьера знаменитого полководца Первой мировой, крайнего реакционера 84-летнего маршала Филиппа Петена, рассчитывая поддержать тем самым моральный дух обороняющейся армии. Умный и опытный политик, Рейно обладал, однако, тем недостатком, что катастрофически — для себя лично и для страны — не разбирался в людях. Большинство его новых назначений оказались неудачными, в частности, маршал Петен не собирался довольствоваться пассивной ролью олицетворения воинской славы и показал себя серьезным политическим игроком, преследуя далеко идущие властные амбиции.

Выправить положение принятыми мерами не удалось, лучшие силы французской армии и Британский экспедиционный корпус попали в окружение, из которого их только частично удалось эвакуировать через Дюнкерк, Бельгия капитулировала. К началу июня значительный численный перевес оказался на стороне Германии, и военное поражение на территории Франции более не оставляло сомнений. 10-11 июня правительство и другие органы власти покинули Париж, перебравшись сначала в Тур, а затем в Бордо. В этих условиях в правительстве все более активно стали проявлять себя сторонники заключения перемирия с немцами, объединявшиеся вокруг вице-премьера Петена. Главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал Максим Вейган также поддержал маршала. Оба военачальника сошлись на почве своих крайне правых убеждений и не видели смысла защищать республику, возлагая на нее вину за поражение и считая, что Франция нуждается в авторитарной форме правления. Эвакуировавшиеся в Бордо депутаты парламента, в большинстве своем деморализованные поражением, также склонялись к этой точке зрения, в особенности под влиянием сенатора Пьера Лаваль. Рейно, министр внутренних дел Жорж Мандель и другие сторонники продолжения сопротивления захватчикам, в том числе во французских колониях в Северной Африке, утратили поддержку большинства в совете министров. Тогда Рейно подал в отставку, рассчитывая, как признавал впоследствии, сформировать новое правительство из сторонников продолжения борьбы [\[26, с. 2424, 2426\]](#). Однако президент Франции Альбер Лебрен назначил на пост премьера Петена, даже не заручившись согласием руководителей парламента, чего требовал закон [\[23, с. 74-75, 414-417\]](#) (таким образом, легитимность нового правительства оказалась сомнительной). Маршал все подготовил для своего восхождения к власти, включая список нового состава правительства, хотя в него были внесены определенные коррективы. Так, на пост министра иностранных дел претендовал Лаваль, однако генеральный секретарь МИДа (начальник аппарата в ранге замминистра) Франсуа Шарль-Ру, опасаясь крутого поворота во внешней политике и ниспровержения союзов —

Лаваль уже тогда выступал за сотрудничество с нацистской Германией, — сорвал это назначение и в результате пост главы внешнеполитического ведомства занял статс-секретарь правительства Рейно Поль Бодуэн. Бывший директор банка, назначенный Рейно на эту должность, он в критический момент отрекся от своего шефа, которому был обязан политической карьерой, и поддержал заключение перемирия. Старый карьерный дипломат Шарль-Ру рассчитывал, что легко сможет направлять финансиста без большого опыта в сфере международных отношений по нужному пути. Лавалю пришлось довольствоваться должностью вице-премьера.

Едва заняв руководящий пост в государстве, Петен немедленно запросил немцев о перемирии и выступил с радиообращением к нации с призывом прекратить борьбу с захватчиками [\[22, с. 233\]](#). Однако далеко не все во Франции готовы были примириться с таким исходом. В частности, генерал бронетанковых войск Шарль де Голль, занимавший с 6 июня пост замминистра национальной обороны (одно из немногих удачных назначений Рейно) отправился в Англию, где 18 июня также обратился по радио к французскому народу, заявив: «Франция проиграла битву, но не проиграла войну. Пламя французского Сопротивления не угаснет» [\[29, с. 98\]](#). Постепенно генерал, основавший организацию «Свободная Франция», сделался центром притяжения тех, кто не смирился с поражением страны и стремился продолжить борьбу.

Перемирие было заключено 22 июня 1940 г. на условиях Германии. Эльзас и Лотарингия аннексировались Рейхом, три пятых территории Франции оккупировали немецкие войска. Оставшаяся территория на юго-востоке Франции оказалась под властью правительства Петена под пристальным контролем оккупантов. Ее столица была перенесена в небольшой курортный город Виши.

Новое правительство Франции озаботилось прежде всего тем, чтобы изменить политический режим в стране. Хотя маршал при поддержке Вейгана имел возможность осуществить военный переворот, он предпочел пойти более сложным, но «легальным» путем и совершить конституционный переворот, чтобы придать легитимность новому режиму (хотя его собственное правительство, как уже отмечалось, было не вполне легитимно) и ликвидировать республику руками самих ее политических деятелей. С этой целью депутатов и сенаторов спешно созвали в Виши для проведения заседания Национального собрания — высшего законодательного органа Франции. Непосредственную организацию конституционного переворота маршал поручил вице-премьеру Лавалю. Умелый манипулятор, обладавший бесспорным даром убеждения, а главное, не гнушавшийся никакими средствами для достижения своей цели, он в течение нескольких дней обрабатывал депутатов, используя самые различные доводы. «Конституцию следует переделать. Она должна будет ориентироваться на конституции тоталитарных государств», — внушал он парламентариям [\[17, с. 112-113\]](#). Чтобы обеспечить их сговорчивость, к Виши были стянуты уцелевшие войска («армия перемирия») под командованием Вейгана. Кроме того, силы вермахта находились всего в 50 км от новой столицы и могли вмешаться в события в любой момент, если те пойдут не по плану.

В Виши собрались не только деморализованные парламентарии, готовые пойти на поводу у Петена и Лавалья, но и политики, намеревавшиеся дать последний бой в защиту республики даже с риском для свободы и жизни. Депутаты различных взглядов, в основном левые — социалисты и радикалы, составили заявление, призванное в решающий момент привлечь на их сторону большинство парламента. «Мы отказываемся голосовать за проект, [...] который неизбежно привел бы к ликвидации республиканской

формы правления. Мы заявляем, что остаемся как никогда приверженными демократическим свободам, за которые отдали жизнь лучшие сыны нашей родины», — говорилось в документе [\[26, с. 2271\]](#).

10 июля 1940 г. на рассмотрение Национального собрания был вынесен законопроект о «предоставлении всех полномочий правительству Республики под руководством маршала Петена, чтобы обнародовать в одном или нескольких актах новую конституцию Французского государства» [\[32, с. 19\]](#). Как видно, в последних словах о республике уже не было речи. Республиканцы, несмотря на угрозы, попытались выступить со своим заявлением, однако им не дали говорить, устроив обструкцию [\[25, с. 2219; 26, с. 2274\]](#). 570 парламентариев проголосовали за правительственный законопроект, 80 против, 17 воздержались, еще несколько человек отказалось участвовать в голосовании. По словам французских историков А. Нуши и М. Агюлона, выступившие против переворота 80 депутатов «сыграли в политическом плане ту же роль, что де Голль в военном: спасли честь страны и подготовили будущее» [\[29, с. 99\]](#). По мнению ряда историков и современников, в частности, генерала де Голля, они стали зачинателями движения Сопротивления на территории Франции [\[28, с. 51-52\]](#).

Сразу после переворота, 11 и 12 июля, Петен издал 4 конституционных акта, заложивших основы нового государственного устройства. Ими он как глава Французского государства (такое официальное название получила теперь страна) присваивал себе все властные полномочия, а также право распоряжаться вооруженной силой, оставшейся у Франции, вести переговоры с другими странами, ратифицировать международные договоры. Ввиду преклонного возраста маршал назначил себе преемника, которым в награду за оказанные услуги стал Пьер Лаваль (см.: Actes constitutionnels № 1, 2, 3 // Journal officiel. 1940. Le 12 juillet. P. 4517; Acte constitutionnel № 4 // Ibid. 1940. Le 13 juillet. P. 4521.). Вскоре были изданы законодательные акты об отмене выборов на всех уровнях, роспуске политических партий и профсоюзов, аресте без суда «подозрительных лиц», могущих представлять потенциальную угрозу режиму, о запрете на профессии для евреев, масонов, активистов левых партий [\[32, с. 47-48, 66-72, 75-76\]](#).

Новый порядок во Франции под нацистской пятой требовал не только законодательного, но и идеологического обоснования. С этой целью стала спешно разрабатываться идеология так называемой Национальной революции, основы которой были заложены в меморандуме генерала Вейгана 28 июня 1940 г. [\[24, с. 1923\]](#) Затем к оформлению государственной идеологии подключились активисты крайне правой организации «Аксон франсез» (Французское действие). На самом деле новая идеология при всей своей эклектичности носила не революционный, а откровенно реакционный характер. Она включала в себя возвращение к «традиционным ценностям» (труд, семья, родина) и неприятие республики и демократии, наследия Великой французской революции, отрицание классовой борьбы, почвенничество, антисемитизм, ксенофобию, ненависть к масонству, проповедь национальной исключительности. Петен, бывший посол Франции во франкистской Испании, имел возможность ознакомиться с практикой авторитарного режима фашистского типа, при этом в своем государственном строительстве он ориентировался, скорее, на режим А. Салазара в Португалии. По примеру других диктатур того времени стал утверждаться культ личности Маршала.

Внешнюю политику Французского государства непосредственно после конституционного переворота можно также характеризовать как эклектичную. После военного поражения и

фактического порабощения страны нацистской Германией в ней произошел крутой поворот, но все же не на 180, а, скорее, на 120 градусов. Первое время в руководстве внешней политикой боролись две тенденции. Вице-премьер Лаваль, не оставивший внешнеполитических амбиций, выступал за полную интеграцию вишистского режима в «новый мировой порядок», установленный в Европе нацистской Германией, как он полагал, всерьез и надолго, и ратовал за всестороннее сотрудничество двух стран, точнее, вассала и сюзерена. Генеральный секретарь МИДа Шарль-Ру занимал более умеренные позиции, он не считал необходимым слепо копировать фашистские режимы с их расовыми доктринами, а главное, полагал недопустимым ниспровержение союзов — этот кошмар французской дипломатии 1930-х гг. Он выступал за поддержание контактов с Англией (дипломатические отношения между бывшими союзниками были разорваны после уничтожения британцами французских боевых кораблей в Мерс-эль-Кебире 3 июля, чтобы те не достались немцам) и сохранение и развитие отношений с нейтральными государствами, прежде всего, США и СССР. В Советском Союзе Шарль-Ру видел гаранта европейского равновесия [\[13, с. 79\]](#), рассчитывая на сближение с Москвой по мере того, как она неизбежно, по расчетам французской дипломатии, будет отдаляться от Берлина [\[19, с. 215\]](#). Министр Бодуэн колебался между этими двумя линиями, но, понимая, что Лаваль вторгается в его прерогативы, чаще прислушивался к советам своего опытного помощника [\[22, с. 337-340\]](#).

Однако не следует полагать, будто эти два вектора французской внешней политики являлись взаимоисключающими. Бодуэн в своем дневнике, хотя и отредактированном после войны с целью самооправдания, сделал весьма примечательное признание, цитируя свою аналитическую записку от 26 июля о сотрудничестве с Германией (в документе использовано слово «collaboration», именно тогда возникло понятие «коллорабационизм»): «Франция должна склониться перед победой Германии. Германия заслужила ее. [...] Мы хотим установить длительное сотрудничество. [...] Франция и Германия могут быть искренне связаны друг с другом, [...] придерживаясь различных идеалов» [\[18, с. 265-266\]](#).

Советско—французские отношения еще задолго до конституционного переворота во Франции достигли «точки замерзания». Охлаждение между двумя странами, которые связывал заключенный 2 мая 1935 г. договор о взаимопомощи (подписанный с французской стороны не кем иным, как Лавалем, который в то время занимал пост министра иностранных дел), началось после провала летом 1939 г. Трехсторонних советско—франко—британских переговоров в Москве о создании антигитлеровского альянса, на которые Франция возлагала большие надежды и всеми силами стремилась к их успешному завершению [\[10, с. 107-112\]](#). Однако переговоры зашли в тупик, и СССР предпочел заключить 23 августа 1939 г. договор о ненападении с Германией. После вступления Франции во Вторую мировую войну против нацистской Германии правительство запретило Французскую коммунистическую партию, отстаивавшую приоритеты советской внешней политики и даже призвавшую 1 октября 1939 г. заключить с Германией мир [\[31, с. 142\]](#), ее активисты подверглись преследованиям. Советское правительство, со своей стороны, объявило войну империалистической, за мировое господство, заявив, в частности, устами предсовнаркома и наркома иностранных дел В. М. Молотова, что Франция прикрывает свою агрессивную политику «фальшивым флагом борьбы за "демократию"» (см.: О внешней политике Советского Союза: Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года // Правда. 1939. 1 ноября.).

Еще больше советско—французские отношения осложнились с началом советско—финляндской войны 30 ноября 1939 г. Франция в этом конфликте решительно поддержала Финляндию, наращивала поставки ей вооружений, несмотря на необходимость модернизировать собственную армию в условиях войны, а 14 декабря 1939 г. добилась при поддержке ряда других государств исключения СССР из Лиги наций. Во Франции развернулась массовая кампания солидарности с Финляндией, в которой участвовали все легальные общественно-политические силы страны. Влияние общественного мнения оказалось столь велико, что заключение мира между СССР и Финляндией 13 марта 1940 г. привело спустя неделю к отставке правительства Эдуарда Даладье, который, по мнению депутатов, оказал северной стране недостаточно помощи.

Тем временем отношения между СССР и Францией, и без того находившиеся на грани разрыва, осложнились еще и потому, что советский посол в Париже Я. З. Суриц отправил по открытым каналам в Москву приветственную телеграмму в связи с окончанием конфликта, в которой осудил «англо—французских поджигателей войны». Суриц был объявлен персоной нон-грата и отозван в Москву [\[8, с. 166\]](#) (французский посол Э. Наджар покинул СССР еще раньше). Представлять интересы СССР в Париже остался второй секретарь полпредства Н. Н. Иванов, экономист по образованию, окончивший в 1938 г. ускоренные курсы НКВД и не слишком хорошо знавший французский язык [\[15, с. 243-244\]](#). Назначение на такой ответственный пост дипломата без опыта работы и со слабым знанием языка свидетельствовало о том, как мало внимания стали уделять в Москве отношениям с Францией. Новый полпред в одном из первых своих донесений все-таки выражал некоторую надежду на то, что со сменой правительства во Франции отношение к СССР может измениться: «Часть французских журналистов (Кериллис, Петринакс, Бюре, Табуи, Эрве) вновь стала подчеркивать, что врагом Франции номер 1 является Германия, а не СССР, что Франция должна избегать войны с СССР. [...] В печати правительство Поля Рейно наиболее рьяно поддерживают газеты "Эпок" и "Ордр". Эти же органы отстаивают необходимость сохранения нормальных дипломатических отношений с СССР. Наиболее реакционная пресса, выражающая в известной степени взгляды групп Лаваля, Фландена, [...] вела критику правительства Поля Рейно. Эта же печать наиболее резко выступает против СССР» [\[2, л. 96\]](#). Однако надеждам полпреда в тот момент не суждено было оправдаться: первое программное заявление правительства Рейно носило явный антисоветский характер (см.: La déclaration ministérielle// L'Œuvre. 1940. Le 23 mars.), и отношения между двумя странами продолжали оставаться на низшей точке.

Не изменились они и после вторжения немецкой армии во Францию в мае 1940 г. Французское руководство не рассчитывало на военную помощь со стороны Советского Союза. Однако в критической ситуации в 20-х числах мая все же попыталось сделать первый шаг, чтобы наладить межгосударственные отношения. Рейно решил отправить в Москву нового посла и по совету своего министра авиации поначалу собирался назначить Пьера Кота, левого радикал-социалиста, который ранее занимал этот пост и сохранил связи в советских кругах. Выбор его кандидатуры был обусловлен и тем, что Франция отчаянно нуждалась в боевых самолетах. Министр общественных работ (промышленности) А. де Монзи, также имевший давние связи с СССР, попытался выяснить отношение к этому полпреда Николая Иванова [\[15, с. 299-300\]](#). В результате 28 мая состоялась беседа советского дипломата с начальником политического отдела МИДа Эмилем Шарвериа. Иванов сообщил французскому визави, что советское руководство принципиально не против кандидатуры Кота, но — уступка за уступку — выразил уверенность, что Франция не станет «возражать против размещения русских [войск] в

странах Балтии». Франция находилась не в том положении, чтобы спорить, однако вице-премьеру Петену удалось сорвать наметившуюся было договоренность [\[5, с. 123-125\]](#).

Французская пресса, так же, как и правительство, не ожидала помощи от Советского Союза, и даже упоминания о нем исчезли со страниц газет. Единственное исключение составила статья публициста правых взглядов Анри де Кериллиса. 1 июня 1940 г. он писал в газете «Эпок»: «Есть огромная Россия. [...] Нам нужно добиться от нее помощи. [...] В Москве у нас даже нет посла! Премьер-министр Поль Рейно, Бога ради, повлияйте на Москву» (Kerillis H. de. Nos atouts // L'Époque. 1940. Le 1 juin.).

Журналист, очевидно, не знал, что Рейно не оставил попыток наладить отношения с СССР и накануне, 30 мая, назначил послом в Москве кадрового дипломата Эрика Лабонна. Тому удалось добраться до места назначения только 12 июня, когда исход Битвы за Францию уже был предreshen, и ни о какой помощи потерпевшей поражение стране не могло идти речи [\[8, с. 343-344\]](#).

Хотя быстрый разгром Франции, по всей видимости, оказался, как отмечал, в частности, в своей телеграмме в Париж посол Лабонн [\[19, с. 201\]](#), неожиданным для советского руководства, которое рассчитывало, что Гитлер ввяжется в затяжную войну на западе и долго не будет угрожать СССР, курс советской внешней политики поначалу изменений не претерпел [\[12, с. 45-46\]](#). В Советском Союзе как будто перестали пристально следить за происходящим во Франции, утратившей статус ведущей европейской державы. Советские газеты публиковали (не на первых страницах) известия о политических переменах во Франции со ссылкой на западные, в том числе немецкие агентства печати, и информация об этом выглядела порой весьма противоречиво. Так, в заметке о конституционном перевороте газета «Труд» 12 июля сообщала советским читателям: «В связи с оппозицией в парламенте в отношении правительственных мероприятий, заявляет корреспондент [«Юнайтед Пресс»], имеются сообщения о том, что Петен, возможно, будет смещен со своего поста. [...] Германское информационное бюро сообщает из Женевы: "Здесь ходят слухи, что президент Французской республики Лебрен намеревается подать в отставку и будет заменен маршалом Петеном. Предполагают, что во Франции намерены создать триумвират: Лаваль—Марке—Вейган"» (см.: Положение во Франции // Труд. 1940. 12 июля.).

Полпред Николай Иванов поспешил прояснить ситуацию для советского руководства в аналитической записке, озаглавленной «Причины поражения Франции». Примечательно, что видел он их «в первую очередь в политической области, области французской внутренней и внешней политики в предвоенный период и в течение войны — с сентября 1939 г. по май 1940 г.», возлагая ответственность на «лагерь мюнхенцев»: «Такой мюнхенец, как Даладье, возглавлял военное министерство в период войны с сентября 1939 по май 1940 г. Из правящего лагеря можно назвать лишь двух министров, которые могли бы подготовить Францию к сопротивлению: это — Жорж Мандель и Поль Рейно. Но эти люди пришли к руководству лишь в апреле 1940 года, когда было уже поздно» [\[3, л. 12, 13\]](#).

О действиях французского командования, приведших армию к поражению, в записке Иванова не говорится ни слова. Сам конституционный переворот в документе оценивается резко негативно, как и его устроители: «После 10 мая реакционные круги желали поражения Франции, чтобы убить буржуазно-демократический строй, парламент, окончательно разгромить кадры Народного фронта и установить реакционную диктатуру. Переворот, произведенный в Бордо и оформленный в Виши Петеном, Лавалем и К°,

означал, что правящая клика достигла своей цели. [...] Правительство Лавалья—Петена немедленно приняло позорные условия перемирия, подобных которым Франция не знала со времен Средневековья... В большом казино в Виши было оформлено погребение 3-тней французской республики с ее конституцией 1875 года. Промонархически настроенный, набожный старик Петен и жулик Лаваль — стали во главе государства, которое уцелело от бывшей Франции» [\[3, л. 16, 17\]](#).

Однако советский дипломат полагал, что в новых условиях перед политикой СССР в отношении Франции открываются определенные перспективы, и делал прогноз на будущее, который представляется достаточно неожиданным: «Реальная политическая сила компартии и рабочего класса в современной Франции, на мой взгляд, значительнее, чем сила правительства Виши. [...] Основной вывод, который я делаю из моих наблюдений над французской жизнью, это то, что Франция стоит на пути к революции» [\[3, л. 42, 45\]](#). Столь смелый прогноз не мог оправдаться в обескровленной войной и поражением стране при немецкой оккупации и марионеточном вишистском режиме. Однако следует отметить, что французская компартия, находившаяся под запретом, решила воспользоваться изменившейся обстановкой и в июле 1940 г. попыталась легализоваться, однако переговоры об этом с оккупационными властями успехом не увенчались, коммунистам лишь удалось добиться освобождения своего арестованного немцами лидера Мориса Тореза [\[4, с. 338-352\]](#).

В то же время советский дипломат оказался прав в том отношении, что изменение политической ситуации во Франции могло привести к перемене в отношениях между обеими странами и вывести их из тупика. И инициатива здесь, по всей видимости, исходила от Франции. Генеральный секретарь МИДа Шарль-Ру и глава министерства Бодуэн полагали, что СССР в перспективе способен уравновесить влияние Германии на европейской арене и с этой целью даже негласно поощряли англо—советское сближение [\[13, с. 79\]](#). Точкой соприкосновения между СССР и Французским государством являлось и то, что обе страны декларировали свой нейтралитет в мировой войне (вишистский режим официально не являлся союзником Германии). Уже 23 июля французское внешнеполитическое ведомство сделало первый шаг навстречу СССР. Николай Иванов сообщил в Москву, что Бодуэн («человек без предрассудков», как характеризовал его полпред в другом донесении [\[11, л. 13\]](#)) предложил заключить сделку по обмену советской нефти на каучук, производимый во французских колониях, и «хочет рассматривать этот обмен как начало более широких торговых отношений между СССР и Францией» [\[8, с. 451\]](#). На следующий день Бодуэн писал Лабонну о важности отправки в Париж полномочного советского посла [\[19, с. 212\]](#). Тогда же, в июле 1940 г., вишистские власти сдержанно, если не одобрительно, отреагировали на вхождение Балтийских республик в Советский Союз [\[20, с. 247-248\]](#), только попросили советское правительство учесть интересы Франции в этих странах [\[15, с. 324-326\]](#). Такая позиция МИДа объяснялась тем, что в этом событии он усматривал шаг к достижению баланса сил в Европе.

Дипломат старой школы Лабонн, назначенный еще при республике, разделял подобное мнение. Обеспокоенный откровенно прогерманской ориентацией Лавалья и вишистского правительства в целом, он в телеграмме в МИД 4 сентября настаивал на необходимости более твердого проведения такой линии: «Всякая неустойчивая, неуверенная политика, подверженная противоположным влияниям, [...] вредит контактам» между Французским государством и СССР [\[20, с. 391\]](#). Иванов, со своей стороны, умело использовал противоречия вишистской внешней политики. Так, в сентябре 1940 г. в беседе с одним

из сотрудников французского генштаба полпред выразил уверенность, что Германия не сможет выиграть битву за Англию, а СССР станет проводить более жесткую политику по отношению к Рейху. Дипломат рассчитывал, что эти мысли будут доведены до вишистского руководства [\[14, с. 158\]](#).

Перед советским полпредством, деятельность которого распространялась на всю территорию Франции, в том числе оккупированную нацистами, в новых условиях открывалось еще одно направление деятельности: сбор информации военного характера, разумеется, не о малочисленной французской «армии перемирия», а о намерениях и планах немецкого командования. В донесениях Иванова в Москву все чаще стали появляться сведения о численности и передвижениях немецких войск и звучали они все более тревожно. Так, в телеграмме от 26 сентября полпред отмечал: «Ряд источников сообщает о систематической отправке немецких войск из Франции на советско—германскую границу. Общее количество немецких войск на советской границе достигает 120 дивизий. Из района Парижа за неделю ушло более 70 поездов с войсками в восточном направлении» [\[8, с. 630\]](#).

Однако в целом советское руководство по-прежнему не придавало большого значения ни отношениям с вишистской Францией, которые развивались трудно и медленно, в основном в торгово-экономической сфере, ни, к сожалению, тревожным сообщениям Николая Иванова о перемещениях немецких войск на восток — в ноябре 1940 г. полпред был отозван в СССР и арестован, будучи обвинен в «антигерманских высказываниях» в беседах с французскими дипломатами и журналистами [\[16, с. 114\]](#). Восприятие в СССР вишистского режима ярко характеризует карикатура Бор. Ефимова, опубликованная в журнале «Огонек» в сентябре 1940 г., на которой изображены Петен, наполняющий бутылки минеральной водой «Виши», и Лаваль в образе скучающего уличного торговца ей; подпись гласит: «Минеральная вода, испытывающая острый кризис сбыта» (см.: Огонек. 1940. № 26 (713). С. 3.).

Но при этом руководство СССР в то время не пыталось установить никаких контактов с силами французского Сопротивления, в частности, с генералом де Голлем и его «Свободной Францией». Хотя советское посольство в Лондоне проводило встречи с некоторыми политическими эмигрантами, в частности, с упоминавшимся выше Пьером Котом. Перспективы формирования центра Французского сопротивления за рубежом оценивались в СССР весьма скептически. По итогам беседы с Котом 6 июля полпред И. И. Майский сообщал в Москву: «Французская эмиграция в Англии не имеет никакого будущего. [...] Политика создания здесь “национального французского комитета” провалилась. Остался один де-Голл — хороший военный, но политик ноль» [\[1, л. 112\]](#). Такой позиции советское руководство придерживалось и в последующие месяцы, в том числе и потому, что организация де Голля воспринималась как преемница французской III Республики, отношения с которой у СССР не сложились.

Таким образом, в период, непосредственно последовавший за конституционным переворотом во Франции, советско—французские отношения определялись главным образом декларируемой обоими государствами приверженностью нейтралитету в мировой войне. Для Французского государства этот нейтралитет маскировал вынужденное следование в фарватере внешней политики нацистской Германии, хотя некоторые французские дипломаты пытались совместить прогерманскую ориентацию с сохранением некоторых рудиментов внешнеполитической самостоятельности. Для Советского Союза нейтралитет на начальном этапе Второй мировой войны являлся следствием тактического выбора в пользу снижения напряженности в отношениях с

Германией. Франко—советское сближение на основе нейтралитета создавало возможности для возобновления межгосударственного сотрудничества — по крайней мере, в торгово-экономической сфере.

Однако в Москве режим Виши все же не воспринимали — в отличие от бывшей Французской республики — как полноценный субъект международной политики, обоснованно видя в нем марионеточное образование, фактически подвластное Берлину. И в дальнейшем динамика советско—французских отношений прямо отражала процессы, происходившие в отношениях между СССР и Германией. Когда последние с осени 1940 г. стали ухудшаться, застопорилось и развитие отношений между Москвой и Виши. Этому способствовало также проведение прогерманской политики правительством Французского государства, которое шло по пути все более полного подчинения указаниям Берлина. Руководство французского МИДа, сочтенное недостаточно лояльным германскому Рейху, было к концу года смещено, а вскоре после этого посол в Москве Лабонн заменен убежденным коллаборационистом и активным участником конституционного переворота Г. Бержери. Наконец, в июне 1941 г., после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз вишистский режим объявил о разрыве дипломатических отношений с СССР. Советский Союз, со своей стороны, признал в сентябре 1941 г. законным представителем французского народа движение «Свободная Франция», которое изначально противостояло порожденному конституционным переворотом режиму Виши. Так антифашистские силы Франции вместе с СССР способствовали формированию антигитлеровской коалиции, одержавшей в итоге победу во Второй мировой войне.

Библиография

1. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации). Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2235.
2. АВП РФ. Ф. 197. Оп. 21. П. 84. Д. 5.
3. АВП РФ. Ф. 720. П. 179 (год 1940). Д. 11.
4. Байерляйн Б. «Предатель – ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939-1941): утраченная солидарность левых сил. М.: РОССПЭН, 2011.
5. Буле В. Возобновление франко-советских отношений в период 1934-1940 гг.: на основе неизданных ранее документов // Клио. 2011. № 54 (3). С. 120-127.
6. Вершинин А. А., Наумова Н. Н. От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб: Алетейя, 2022.
7. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973. Т. 1.
8. Документы внешней политики СССР. М.: Международные отношения, 1995. Т. XXIII. Кн. 1.
9. История внешней политики СССР / Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. 2-е изд. М.: Наука, 1976. Т. 1.
10. Обичкина Е. О. Французская дипломатия 1938-1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // «Завтра может быть уже поздно...» Вестник МГИМО-Университета. 2009. Спец. вып. С. 97-114.
11. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 558. Оп. 11. Д. 216.
12. Ревякин А. В. СССР и поражение Франции в 1940 г. // СССР и Франция в годы Второй мировой войны: Сборник научных статей / Отв. ред. М. М. Наринский. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 44-76.

13. Суту Ж.-А. Виши и место СССР в европейской системе // СССР и Франция в годы Второй мировой войны: Сборник научных статей / Отв. ред. М. М. Наринский. М.: МГИМО-Университет, 2006. С. 77-105.
14. Суту Ж.-А. Советские дипломаты и вишистская Франция // Война и политика, 1939-1941 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. С. 156-173.
15. Чельшев И. А. СССР – Франция: трудные годы 1938-1941. М.: Изд-во ИРИ РАН, 1999.
16. Чернявский С. Эвакуация персонала советских учреждений из Германии и стран-сателлитов // Международная жизнь. 2021. № 6. С. 104-125.
17. Aron R. Histoire de Vichy, 1940-1944. P.: A. Fayard, 1954.
18. Baudouin P. Neuf mois dans le gouvernement (avril – décembre 1940). P.: Table ronde, 1948.
19. Charles-Roux F. Cinq mois tragiques aux Affaires étrangères (21 mai – 1 novembre 1940). P.: Plon, 1949.
20. Documents diplomatiques français. 1940. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2009. Vol. II.
21. Du Réau É. Édouard Daladier, 1884-1970. P.: Le Grand livre du mois, 1993.
22. Duroselle J.-B. L'Abîme, 1939-1944. P.: Imprimerie nationale, 1986.
23. Jeanneney J. Journal politique (septembre 1939 – juillet 1942). P.: A. Colin, 1972.
24. Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire. Annexes (Dépositions). P.: Imprimerie de l'Assemblée nationale, 1951. Vol. VI.
25. Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire. Annexes (Dépositions). P.: Imprimerie de l'Assemblée nationale, 1951. Vol. VII.
26. Les événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la commission d'enquête parlementaire. Annexes (Dépositions). P.: Imprimerie de l'Assemblée nationale, 1951. Vol. VIII.
27. Lévêque F. Les relations franco-soviétiques pendant la Seconde Guerre mondiale, de la défaite à l'alliance (1939-1945): essai historique d'après les Archives du Quai d'Orsay // Revue des études slaves. 1997. T. 69. fascicule 3. P. 439-446.
28. Marielle J., Sagnes J. Pour la République: Le vote des quatre-vingts à Vichy le 10 juillet 1940 / Publ. par le Comité en l'honneur des quatre-vingts parlementaires du 10 juillet 1940. Vichy, 1993.
29. Nouschi A., Agulhon M. La France de 1914 à 1940. P.: Nathan, 1991.
30. Porte R. 1940. P.: Perrin, 2020.
31. Rossi-Landi G. La drôle de guerre: La vie politique en France, 2 septembre 1939 – 10 mai 1940. P.: A. Colin, 1971.
32. Roussio H. Le régime de Vichy. P.: Presses universitaires de France, 2007.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Влияние конституционного переворота во Франции 10 июля 1940 г. на советско—французские отношения».

Предмет исследования обозначен в названии статьи.

Методология исследования базируется на принципах объективности, научности, историзма. Автором использованы историко-генетический, историко-сравнительный и другие методы, а также системный подход.

Научная новизна определяется тем, что по это первая специальная работа, в которой на широком круге источников комплексно исследуется воздействие июльского переворота, приведшего к смене республиканской формы правления во Франции на советско-французские отношения. Автор пишет, что статья «представляет собой первую попытку анализа рецепции в Советском Союзе конституционного переворота 10 июля 1940 г. во Франции и непосредственного воздействия этого события на отношения между двумя странами». Новизна заключается также в том, что работа подготовлена на широком круге источников, в том числе архивных документов из Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории.

Актуальность исследования. Актуальность определяется тем, что проблема «воздействия июльского переворота, положившего конец республиканской форме правления во Франции, на советско—французские отношения до сих пор не являлось предметом специального исследования, хотя его изучение важно для понимания эволюции этих отношений». Тема эта не рассматривалась ни в российской, ни во французской историографии, некоторые аспекты темы затрагивались в ряде работ последних лет, но не в полной мере. Актуальность темы очевидна и автором хорошо обоснована.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык изложения четкий и ясный. Структура работы направлена на достижение цели работы, статья не разделена на разделы, но текст статьи состоит из отдельных абзацев-блоков, логически связанных между собой. В начале статьи автор разъясняет актуальность, новизну работы, цель и задачи, характеристику источников. Статья состоит из отдельных параграфов-блоков, логически взаимосвязанных. Текст статьи последовательно изложен. Автор статьи отмечает, что отношения между СССР и Францией «охладели» задолго до конституционного переворота во Франции» и раскрывает какие причины и факторы этому способствовали. Отношения еще более ухудшились после заключения договора о ненападении между ССР и Германией, а после того, как Франция вступила во Вторую мировую войну, она запретила деятельность Французской коммунистической партии. В статье приводятся интересные данные и материалы о том какие факторы оказывали влияние на отношения между Россией и Франции, показано отношения России (СССР) к режиму Виши,. Автор пишет, что в нашей стране режим Виши «не воспринимали— в отличие от бывшей Французской республики — как полноценный субъект международной политики, обоснованно видя в нем марионеточное образование, фактически подвластное Берлину. И в дальнейшем динамика советско—французских отношений прямо отражала процессы, происходившие в отношениях между СССР и Германией». Выводы автора обоснованы, логичны и четко изложены.

Библиография работы. Библиография статьи обширна и разнообразно, насчитывает 32 источника. Библиография статьи также свидетельствует, что автор блестяще разбирается в теме. Оформлена библиография по требованиям журнала. Апелляция к оппонентам проведена на достойном уровне, и она проявляется в проделанной автором работе, выводах и в библиографии.

Статья будет интересна читателям журнала и широкому кругу читателей (студентов, магистрантов, аспирантов) и т.д.